

Дневникъ академика В. П. Безобразова. 1886.

Петербургъ, 17 ноября. Нездоровъ и никуда не выхожу, кромѣ Сената.

19 ноября. Приѣхали въ 11½ ночи В. К. Константинъ Константиновичъ и Дмитрій Константиновичъ. Константинъ Константиновичъ былъ пораженъ моимъ повѣствованіемъ о политическомъ положеніи Россіи въ болгарскомъ вопросѣ, о томъ, какъ Россія компрометирована дѣйствіями Каульбарса, какъ грозна для насъ коалиція Австріи, Англии, Италіи, какъ унизительна для насъ необходимость вернуть Каульбарса и т. д.

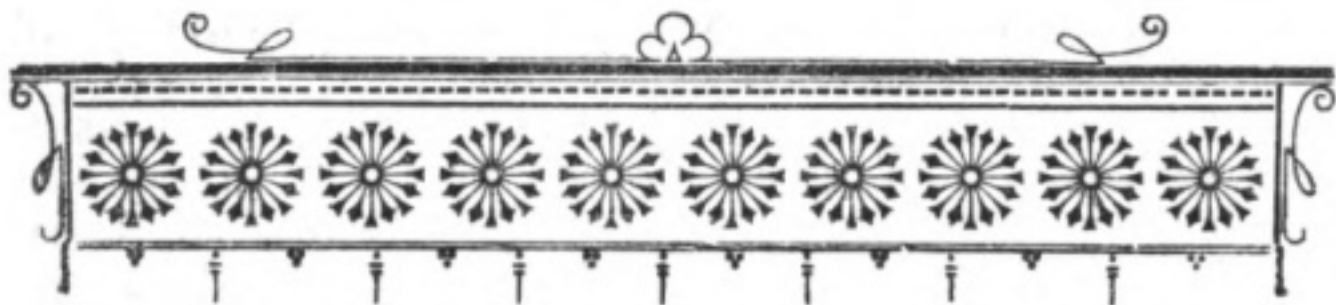
В. К. Константинъ Константиновичъ говорилъ В. К. Сергѣю Александровичу, что не спалъ цѣлую ночь отъ моихъ рѣчей.

Всѣ они здѣсь совершенно спокойны относительно нашихъ иностранныхъ дѣлъ и какъ-будто ничего не знаютъ.

Константинъ Константиновичъ говоритъ, что провелъ съ Государемъ 24 часа (на дежурствѣ) „et qu' il était tout à fait serein“. Я говорю: „mais il se gouverne“. Онъ: „mais il est impossible de se gouverner à un tel point“.

21 ноября. Былъ у В. К. Константина Константиновича и В. К. Елизаветы Маврикіевны. Показывали мнѣ младенца Іоанна. Дѣтская устроена по-царски—6 комнатъ въ русскомъ древнемъ вкусѣ (въ родѣ музея) со всѣми возможными усовершенствованіями (особая комната для ваннъ, для мытья и т. д.).

22 ноября. Былъ сегодня у В. К. Сергѣя и Павла Александровичей. Они поражены моими рѣчами о болгарскомъ вопросѣ. Пребываютъ въ полномъ убѣжденіи, что все обстоитъ благополучно. Судя

Дневникъ академика В. П. Безобразова. 1886.

Петербургъ, 17 ноября. Нездоровъ и никуда не выхожу, кромѣ Сената.

19 ноября. Приѣхали въ 11½ ночи В. К. Константинъ Константиновичъ и Дмитрій Константиновичъ. Константинъ Константиновичъ былъ пораженъ моимъ повѣствованіемъ о политическомъ положеніи Россіи въ болгарскомъ вопросѣ, о томъ, какъ Россія компрометирована дѣйствіями Каульбарса, какъ грозна для насъ коалиція Австріи, Англии, Италіи, какъ унизительна для насъ необходимость вернуть Каульбарса и т. д.

В. К. Константинъ Константиновичъ говорилъ В. К. Сергѣю Александровичу, что не спалъ цѣлую ночь отъ моихъ рѣчей.

Всѣ они здѣсь совершенно спокойны относительно нашихъ иностранныхъ дѣлъ и какъ-будто ничего не знаютъ.

Константинъ Константиновичъ говоритъ, что провелъ съ Государемъ 24 часа (на дежурствѣ) „et qu' il était tout à fait serein“. Я говорю: „mais il se gouverne“. Онъ: „mais il est impossible de se gouverner à un tel point“.

21 ноября. Былъ у В. К. Константина Константиновича и В. К. Елизаветы Маврикіевны. Показывали мнѣ младенца Іоанна. Дѣтская устроена по-царски—6 комнатъ въ русскомъ древнемъ вкусѣ (въ родѣ музея) со всѣми возможными усовершенствованіями (особая комната для ваннъ, для мытья и т. д.).

22 ноября. Былъ сегодня у В. К. Сергѣя и Павла Александровичей. Они поражены моими рѣчами о болгарскомъ вопросѣ. Пребываютъ въ полномъ убѣжденіи, что все обстоитъ благополучно. Судя

по Вел. Князьямъ Государь не чувствуетъ никакого аффронта. Меня называютъ агитаторомъ, что я мрачно смотрю (какъ же иначе смотрѣть?).

С. А.: Я донесу на васъ Государю, что вы распространяете здѣсь такія свѣдѣнія. Я: Сдѣлайте милость, я только и желаю сказать Государю то, что я знаю, если никто не говоритъ ему правды.

Когда я сказалъ Вел. Князьямъ, что Россія никогда не была въ такомъ унижительномъ положеніи относительно Европы, какъ теперь, и что мнѣ жаль Государя, они замѣтили: „Вотъ, видите, какія вы ужасныя вещи говорите!“.

23 ноября. Вчера былъ у Леера въ военномъ кругу. Возмущенъ тѣмъ, что слышалъ. Военные и ничего не понимаютъ въ нашемъ политическомъ положеніи и заражены шовинизмомъ—даже Лееръ. Изумляются такъ же, какъ и Вел. Князья, что я говорю, что мы унижены. Каульбарса возводятъ въ герои. Но сегодня успокоился. У меня былъ Мордвиновъ (всегда разумный) и другіе пріатели. Всѣ они въ одинъ голосъ со мною смотрятъ на нашъ позоръ вслѣдствіе нашихъ дѣйствій въ Болгаріи и дѣйствій Каульбарса.

27 ноября. Всѣ эти дни, что я здѣсь, чувствую себя хуже, чѣмъ когда-либо въ этомъ скверномъ городѣ. Эта всеобщая апатія, это всеобщее отступленіе среди самой кризисной и постыдной для Россіи эпохи (насъ выгнали изъ Болгаріи!) совсѣмъ подавляетъ меня. Единственное возможное *молчать!* Петербуржцы самые умные, считаютъ это величайшей мудростью. Молчать мнѣ трудно, когда я вижу все это лакейство и всю ложь, и я ужасно страдаю. Говорить—только неприятности, пользы никакой. Попробовалъ высказать у Леера въ маленькомъ кружкѣ мое мнѣніе о нынѣшнемъ растлѣніи Лицея. На меня донесли директору Лицея, а онъ формально, официально и дерзко требуетъ отъ меня доказательствъ моихъ словъ—данныхъ. Какія же можно ему дать данныя, когда онъ самъ лучше всѣхъ долженъ все знать. Одинъ въ полѣ не воинъ. Всѣ это знаютъ, всѣ родители жалуются, а никто ничего ему не говоритъ. Преступникъ въ Россіи тотъ, кто рѣшается говорить, что онъ думаетъ.

28 ноября. Былъ сегодня въ Гатчинѣ (по случаю приѣзда). Императрица была особенно любезна, какъ всегда. Разспрашивала о подробностяхъ моего путешествія, была ли со мной Оля и проч. Когда я сказалъ, что вслѣдствіе свадьбы долженъ былъ сократить свое пребываніе въ Берлинѣ, то она замѣтила: „mais qu'est ce qu'il y a d'interessant à Berlin après l'Italie“. Я отвѣчалъ напрямикъ, не подумавъ о куртизанствѣ „Mais j'aime les Allemands, j'ai

beaucoup d'amis à Berlin“ (и тутъ, раздумавъ о моей неловкости), прибавилъ: „du reste pour mes occupations j'a vais besoin de voir les savants de Berlin“. Хотя представляющихся сегодня было мало, Государь принялъ меня вмѣстѣ съ другими, но былъ очень любезенъ. Разспрашивалъ подробно о моихъ разъѣздахъ особенно по Россіи. Я объяснилъ, что мои разъѣзды по Россіи нужны для III т. „Народнаго Хозяйства“ и это сочиненіе очень читается за границей, потому что всѣ публикуемыя свѣдѣнія о Россіи за границей пристрастны и тенденціозны. Онъ спросилъ: „Вы будете продолжать ваши поѣздки по Россіи въ будущемъ году“. Я: „если Ваше Величество разрѣшите, я бы очень желалъ“. На это взглядъ одобренія. Я объяснилъ, что для Европы эта книга имѣетъ значеніе, когда Государь замѣтилъ, что трудно писать 2 текста (русскій и французскій). Въ заключеніе Онъ сказалъ: „желаю вамъ успѣха, очень важно, чтобы за границей были безпристрастныя свѣдѣнія о Россіи“.

5 декабря. Всѣ эти дни былъ нездоровъ. Грустно, какъ слабѣютъ мои физическія силы: подходитъ старость и работать по-прежнему будетъ нельзя, а желаніе работать сильнѣе, чѣмъ когда-либо, такъ какъ другого утѣшенія въ жизни нѣтъ. 29 ноября былъ на вечерѣ у Вешнякова, а 1 декабря (воскресенье) у меня собралось не мало. Всего болѣе меня поражаетъ по приѣздѣ сюда, что всѣ безъ изъятія значительные и находящіеся у дѣлъ люди до самыхъ высшихъ порицаютъ нашу болгарскую политику и миссію Каульбарса. Но почему же они не говорятъ этого Государю? Онъ остается совсѣмъ изолированнымъ. Даже самъ Гирсъ громко порицаетъ; говорятъ, онъ откровенно объявляетъ на вопросы иностранныхъ дипломатовъ, что ничего не знаетъ, что распоряжается самъ Государь. Недоволенъ также и Каульбарсъ: тотъ хочетъ оккупации и войны. Отчего же никто не говоритъ откровенно Государю? Оправдываютъ себя тѣмъ, что Онъ ни съ кѣмъ не говоритъ. Пустяки! Съ министрами же говорить.

Все это лакейство и больше ничего. Не хотятъ говорить неприятнаго. Только льстятъ и лгутъ. Вотъ до чего могутъ довести рабство и крайній абсолютизмъ.

Курьезно такъ же, какъ высшіе должностные люди мрачно смотрятъ на настоящее и даже будущее Россіи (напр. мой пріятель, К., говорившій мнѣ, что Россія въ будущемъ должна распасться, а онъ каждый день можетъ быть назначенъ министромъ, хотя и теперешняя его должность равносильна министерской. Несмотря на мой пессимизмъ (только относительно настоящаго и ближайшаго будущаго) я подлѣ нихъ крайній оптимистъ.

Могутъ ли государственные люди дѣйствовать плодотворно, когда они не воодушевлены никакими идеалами, даже надеждами? Они и работаютъ, какъ маніаки, для жалованія и почетныхъ отличій.

Можетъ ли успѣшно дѣйствовать подобный государственный механизмъ, въ которомъ всѣ дѣйствующія лица работаютъ противъ своихъ убѣжденій, только машинально исполняя приказанія, которыми они открыто не сочувствуютъ и не имѣя никакихъ передъ собой нравственныхъ цѣлей, даже сознанія честно исполненнаго долга (ибо это не честное исполненіе долга). Такого другого государственнаго механизма нѣтъ въ Европѣ, даже у Франціи и Турціи. И вотъ положеніе наше въ Европѣ!.. Можетъ ли оно быть сильно на дипломатической почвѣ—при умственномъ ничтожествѣ нашихъ государственныхъ людей. Единственная наша сила *солдатъ*, т. е. буквально матеріальная сила и наша территориальная осѣдность.

5 декабря. Сейчасъ былъ у меня Великій Князь Дмитрій Константиновичъ по случаю моей болѣзни. Никто не знаетъ, будетъ ли война и никто ничего не понимаетъ. Онъ говоритъ, что Государь держитъ Гирса, который просился неоднократно вонъ и ни отъ кого не скрываетъ, что несогласенъ съ Государемъ въ иностранныхъ дѣлахъ. Государь держитъ его только потому, чтобъ не имѣть затрудненія назначить на его мѣсто и чтобъ оно было занято.

8 декабря. Обѣдалъ вчера у Грейга: бюро экономистовъ и нѣкоторые ихъ члены (въ томъ числѣ Вышнеградскій—левъ дня). Очень непріятное впечатлѣніе произвело на меня это собраніе сановниковъ и высшихъ должностныхъ лицъ.

Какая пустота и какое ничтожество!

Всего хуже неискренность, самый мелкій оппортунизмъ (не сказать ничего идущаго въ разрѣзъ съ господствующимъ въ сферахъ теченіемъ). Съ каждымъ изъ нихъ можно говорить только въ отдѣльности: тогда они говорятъ совсѣмъ другое, и напротивъ только порицаютъ. Самъ Грейгъ, при всей своей талантливости, весьма легкомысленъ, пробавляется гладкими фразами, считаетъ, что все знаетъ, хотя все знаетъ поверхностно (подобно своему пажескому образованію),—кромѣ садоводства. Легкомысліе и сгубило его (когда онъ былъ министромъ финансовъ).

Все-таки всѣхъ честиѣ Тернеръ. Онъ говоритъ осторожно, но никогда не лжетъ.

12 декабря. 10 дек. былъ 1-й экономическій обѣдъ, я дѣлалъ сообщеніе о моемъ путешествіи. Было много народа и было весело—ничего особеннаго. Обѣдали въ первый разъ въ новой залѣ Донона.

Вчера я ѣздилъ неудачно въ Царское, чтобы видѣть В. К. Сергѣя Александровича, и видѣлъ его нѣсколько секундъ—онъ ѣхалъ

въ Петербургъ. Я тронуть, какъ онъ меня любитъ и желаетъ чаще видѣть. Онъ серьезно недоволенъ, что я отказался быть у него вчера и завтра по случаю засѣданій Сената и Академіи.

На обратномъ пути встрѣтилъ веселую компанію герцога Евгенія Максимиліановича Лейхтенбергскаго, возвращавшагося со своимъ обществомъ съ охоты.

13 декабря. Обѣдалъ вчера въ Царскомъ Селѣ у В. К. Сергѣя Александровича. Очень было *gemüthlich*. Бесѣда была совсѣмъ задушевная и семейная, но нѣтъ ничего особеннаго, что можно бы записать. Они настроены на миръ, о войнѣ, кажется, никто не думаетъ, хотя и неудивительно, что Государь не расположенъ вести войну изъ-за Болгаріи. Но тогда зачѣмъ было затѣвать всю исторію, посылать Каульбарса?

17 декабря. Общее положеніе дѣлъ крайне тягостно; всѣ это сознаютъ, хотя немногіе рѣшаются высказаться. Мы все дальше и дальше подвигаемся по пути жесточайшей реакціи.

Но всего тягостнѣе—это роль Каткова. Онъ опять пріѣхалъ сюда, чтобы ворочать дѣлами. Очень серьезно высокостоящіе люди говорятъ по поводу всякаго слуха и всякаго назначенія: „этого нельзя, этотъ человѣкъ будетъ непріятенъ Каткову“ или наоборотъ и т. д. Это *puissance occulte*, ужасающая, и если бы этотъ человѣкъ былъ благороденъ, а у него нѣтъ другого *mobile'a*, кромѣ страсти къ властолюбію! Всѣ министры даже и его партіи оскорблены, но ничего не могутъ сдѣлать, такъ крѣпки отношенія Каткова къ Государю. Онъ открыто ругается и надъ правительствомъ, и надъ министрами. Всего любопытнѣе, что все невыносимое положеніе основано на недоразумѣніи. Государь не имѣетъ никакой лично привязанности къ Каткову: Онъ его слишкомъ мало и недавно знаетъ, но Онъ видитъ *независимаго выразителя мыслей Россіи, неподкупный органъ общественнаго мнѣнія*. И считаетъ своимъ долгомъ его слушать, любя Россію и не вѣря министрамъ. Онъ просто не знаетъ, что Катковъ самый ненавистный и наименѣе популярный въ Россіи человѣкъ, а его приверженцы крошечная кучка людей, большею частью, если даже не исключительно *непочтенныхъ* или глухихъ. И эта кучка разсѣется, какъ только онъ лишится фавора, который привлекаетъ къ нему людей. Несмотря на это положеніе и на необычайный талантъ Каткова, у „Москов. Вѣд.“ наименѣе подписчиковъ изъ всѣхъ газетъ и никто не рѣшается объяснить это Государю и освободить Его отъ этого заблужденія. Онъ ни съ кѣмъ не говоритъ, кромѣ министровъ.

Ужасно думать посреди этой реакціи, что самъ себя переживаешь. Уже говорятъ о возстановленіи откуповъ. Частные банки разрушатся

посредствомъ казенныхъ (Дворянскій банкъ). Послѣднее особенно чувствительно для меня.

Думали ли мы въ 1859 г.,—работая съ Н. Милютинымъ въ комиссіи земскихъ банковъ, что такъ скоро настанетъ ломка всей нашей работы и мы такъ скоро вернемся къ старому, единогласно осужденному всѣми лучшими людьми того времени—да и нынѣшняго?

23 декабря. Какъ-то скопилось около меня много горя и къ тому же хвораяю. Переживаю опять тяжкую эпоху жизни. Съ замужествомъ Оли, которое рѣшено на этихъ дняхъ, я вступаю опять въ жестокой кризисъ моей жизни. Молю Бога и уповаю на Него, что переживу этотъ кризисъ такъ же благополучно, какъ переживалъ прежніе. Оглядываясь назадъ передъ близкимъ наступленіемъ 59 года жизни, не вижу въ ней много счастья въ прошедшемъ. Но не для счастья мы здѣсь живемъ.

27 декабря. Сегодня я испыталъ у В. К. Сергѣя и Павла Александровичей мои обычныя впечатлѣнія при дворахъ. Павелъ В. К. Александровичей ужасно запоздалъ отвѣтомъ Президенту Академіи объ его избраніи въ почетные члены. Какихъ затрудненій стоило уговорить его пріѣхать въ годовое собраніе, такъ же и В. К. Сергѣя Александровича.

Сообщ. М. В. Безобразова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

